

Сознание, словно одинокая лодка в бескрайнем море страданий, металось между небытием и хаосом.

Неизвестно, сколько прошло времени — миг или целая вечность. Крохотный огонек пронзил густую тьму, и тотчас же бесчисленные осколки воспоминаний, резкие звуки и обжигающие чувства, подобно прорвавшему плотину потоку, хлынули в эту лодчонку, едва не разорвав её в клочья.

Он чувствовал, как его бросило в причудливый туннель времени, где он был вынужден раз за разом переживать пытки собственной души.

Первым чувством, вернувшимся к нему после пробуждения, стал пронизывающий холод.

Это был не душный, сладковатый аромат покоев, а холод, способный заморозить саму душу. Зрение было затуманено, он видел лишь бескрайнюю белизну. Ледяные хлопья снега, падавшие на лицо, несли в себе дыхание смерти.

Он, Вэй Ян, лежал в снегу. Его маленькое тельце окончательно онемело, а кровь, сочившаяся из ран, окрашивала снег в алый цвет, но тут же скрывалась под свежим покровом. Силы покидали его, сознание вновь начало меркнуть.

— Неужели я умру... — промелькнула детская, полная отчаяния мысль.

И в тот миг, когда тьма была готова поглотить всё, в его поле зрения возникло нечто ослепительно белое.

Это был человек, стоящий посреди снежной бури. Его одежды развевались на ветру, оставаясь безупречно чистыми. Незнакомец медленно опустился на корточки, и его лицо — холодное, словно вобравшее в себя всю стужу мира — четко отразилось в расфокусированных зрачках мальчика.

Глаза незнакомца, цвета светлого стекла, были лишены каких-либо эмоций. Он смотрел на него спокойно, словно божество, взирающее на ничтожного муравья.

Когда мальчик уже решил, что этот человек равнодушно уйдет, холодная, но твердая рука легла ему на замерзший лоб.

— Задатки неплохи.

Его голос, холодный, как сама метель, странным образом разогнал окружающую мальчика стужу.

Затем Вэй Ян почувствовал, как некая мягкая сила подхватила его, и он оказался в объятиях, от которых исходил тонкий морозный аромат. Мир перед глазами качнулся, в ушах завывал ветер, но он впервые ощутил небывалое спокойствие.

— Я спасен... — это была последняя мысль перед тем, как он окончательно провалился в забытие.

Позже он узнал, что это была вершина Цзюэцин, а спас его бессмертный владыка Сюаньлин — Се Мовэй.

Он получил имя Вэй Ян, и второе имя — Цзинъань. Владыка сказал, что желает ему прожить жизнь без бед — в чистоте и покое.

Это было первое тепло, к которому он прикоснулся в своей горькой жизни, хотя оно исходило от глыбы льда.

Картина сменилась, и дни на вершине Цзюэцин стали отчетливыми.

На рассвете, на тренировочной площадке, звенела сталь.

— Запястье опусти на три доли, движение духовной энергии заторможено. Бестолочь!

Се Мовэй стоял, заложив руки за спину, и смотрел на Вэй Яна, упражняющегося в базовых техниках меча. Его брови были слегка нахмурены, а в голосе не было ни капли тепла.

Вэй Ян стиснул зубы, его личико покраснело от напряжения, он изо всех сил старался исправить стойку. Он тренировался уже три часа подряд, руки онемели настолько, что едва поднимали меч, но он не смел ослабить усердие. Рядом тренировался старший брат Фэн Иань — его движения были подобны плывущим облакам и текучей воде, грациозны и изящны, что заставило владыку едва заметно кивнуть.

Этот едва уловимый кивок стал словно игла, пронзившая сердце Вэй Яна. Он стал тренироваться ещё яростнее, но из-за суеты и смятения оступился, и меч, выйдя из-под контроля, оставил на земле некрасивый след.

— Неустойчив духом, не достоин обучения.

Се Мовэй бросил холодную фразу и развернулся, чтобы уйти. Его белоснежные одежды разметались в холодном жесте.

Вэй Ян застыл на месте, его пальцы, сжимавшие деревянный меч, дрожали. Обида, досада и скрытое, невыразимое обожание сплелись в его сердце. Он лишь хотел заслужить хоть слово

одобрения от учителя, хотя бы один взгляд.

По ночам он прятался под одеялом и плакал, а выплакавшись, вставал и продолжал тренироваться при свете луны. Он неуклюже подражал старшему брату и учителю, вбивая каждое движение в свои кости. Он думал, что если будет стараться достаточно сильно, то однажды учитель заметит его.

Он приносил бережно заваренный горячий чай идеальной температуры в зал Ханьюй, но получал лишь сухое: — Оставь.

Он находил в горах красивые камни необычной формы и тайком подкладывал их на подоконник учителя, но на следующий день обнаруживал, что камни исчезли — возможно, их просто выбросили как мусор.

Во время лекций учителя он изо всех сил старался запомнить каждое слово, его глаза были полны жажды, но он редко осмеливался встретиться взглядом с этими ледяными очами.

Эта жажда тепла, день за днем сталкиваясь с суровостью и равнодушием, не угасла, а подобно сорняку, пробивающемуся сквозь трещины в камне, стала расти вкривь и вкось, постепенно окрашиваясь в тона одержимости.

Однажды он случайно услышал разговор двух внешних учеников.

— Слышал? Картина в кабинете владыки... на ней изображен бессмертный Бэйцзы...

— Тс-с! Попридержи язык! Это же запретная тема для владыки...

Бессмертный Бэйцзы? Мин Сюань?

Это имя ударило Вэй Яна, словно молния. Он никогда не встречал этого человека, знал лишь, что тот давно погиб. Но почему-то в его сердце зародились необъяснимый страх и ревность.

Он начал следить за всем, что хоть как-то касалось Бэйцзы. Он заметил, что учитель иногда погружается в задумчивость, глядя в определенную сторону, и в такие моменты его холодный взгляд становился... иным. Он обнаружил, что на книжной полке учителя есть отсек, к которому никому не дозволено прикасаться — возможно, там хранилось что-то, связанное с этим человеком.

— Это из-за него?

— Неужели учитель не замечает меня только из-за этого мертвеца?

— Неужели, что бы я ни делал, я никогда не сравнюсь с тенью?

Эта мысль, подобно ядовитой змее, день и ночь грызла его сердце. Он стал ещё чувствительнее, ещё усерднее и ещё... отчаяннее.

Турнир ордена был важным событием для проверки успехов учеников.

Вэй Ян, накопив все силы, жаждал поразить всех. Его противником оказался ученик с более высоким уровнем совершенствования. Понимая, что проигрывает, он в отчаянии вспомнил о нефритовой пластине с описанием странных техник, которую нашел случайно. Там говорилось, что этот метод может за короткое время пробудить скрытый потенциал, но сопряжен с риском.

— Если я выиграю, учитель обязательно...

Одурманенный жаждой признания, он тайком активировал технику.

Яростная сила мгновенно хлынула в его меридианы. Он действительно одержал победу, даже тяжело ранив противника. Однако сила тут же обернулась против него. Он почувствовал, как меридианы разрываются на части, изо рта брызнула кровь, и он потерял сознание прямо на арене.

Очнувшись, он обнаружил себя в боковом зале Ханьюй. Се Мовэй стоял у кровати, его лицо было мрачнее, чем когда-либо.

— Идешь на уловки, губишь собственные основы! Как я тебя учил?! — голос владыки был холоднее льда.

Вэй Ян хотел оправдаться, хотел сказать, что просто слишком сильно хотел победить, хотел, чтобы его заметили.

Но то, что сделал Се Мовэй дальше, заставило его почувствовать, будто он провалился в ледяную бездну.

Владыка достал белоснежный платок и принялся тщательно вытирать пальцы, которыми только что проверял его пульс, словно коснулся чего-то крайне грязного. Затем он небрежно отбросил платок в сторону.

— Если сердце нечисто, то и твои способности — лишь источник бед.

Эти слова и жест, с которым был выброшен платок, словно раскаленное клеймо, впечатались в сердце Вэй Яна. Это было в сто раз больнее, чем разрыв меридианов.

Все его обиды, старания и жажда тепла в этот миг рухнули. Остались лишь безграничное унижение и пронизывающее до костей отчаяние.

Оказывается, в глазах учителя он всегда... был лишь пятном грязи.

После того как раны зажили, Вэй Ян стал молчалив. Он больше не пытался никому угодить, а просто молча совершенствовался.

Но втайне он начал безумно изучать ту самую нефритовую пластину с демоническими техниками. Слова на ней были зловещими, полными искушения.

— Ортодоксальный путь бессмертных не принимает меня... считает грязным...

— Раз так, я паду во тьму! Когда я овладею демонической мощью и встану на вершине трех миров, Се Мовэй... я посмотрю, сможешь ли ты игнорировать меня тогда!

В его глазах вспыхнул безумный и фанатичный огонь. Прогресс в техниках ордена был медленным, а эта демоническая сила позволяла чувствовать стремительный рост. Это чувство контроля над силой опьяняло его.

Он практиковался глубокими ночами, и вокруг него начало виться едва уловимое дыхание зла. Глядя в зеркало на свой постепенно мрачнейший взгляд, он растянул губы в холодной усмешке.

Кривая дорожка уже лежала под его ногами. Кармический огонь начал разгораться.

<http://bllate.org/book/18805/1828724>